

А Баба Яга не против

Её нельзя было не любить. Не заболеть или хотя бы капельку не увлечься этим очаровательным эльфом было просто невозможно. Всё в таком миниатюрном, необычайно милом, солнечном создании располагало к любви. Её появление было подобно свежему ветерку, дующему с моря, который кружит голову и рождает самые невероятные фантазии. Вида – такое редкое имя дали своей дочке родители – мало соответствовала обычным представлениям об идеальной женской внешности, но её по-детски обезоруживающая улыбка на кругловатом лице и огромные с бесиками глаза пленили столько мужских сердец, что даже самая безупречная красотка обзавидовалась бы, узнав их количество.

Вида не шла по жизни - она вальсировала, парила, восхищала, радовала, кого-то сводила с ума, а кому-то могла казаться и костью в горле, но точно никого не оставляла равнодушным. Невозможно было представить, что найдётся человек или сила, способная прервать этот феерический, исполненный жизненного огня полёт.

Злой гений Виды скрывался там, где она меньше всего предполагала его встретить – в скромном неприметном однокласснике Сергее Понышеве, который даже не считался её поклонником. А между тем он сох по ней основательно, но показать свои чувства не мог: боялся, стеснялся, да и вообще не знал, как это сделать. Сергей даже представить себе не мог, что сможет как-то обратить на себя внимание всеобщей любимицы. Шансов, полагал он, никаких, а справиться с насмешками, которые мог породить неизбежный отворот-поворот, ему было бы не по силам: и без того хватало комплексов.

Неизвестно сколько времени значился бы Сергей в списке тайных воздыхателей Виды, если бы не один случай. Как-то вместе с двумя своими подружками Вида оказалась у гадалки. Интересоваться своим будущим она не собиралась – пошла просто за компанию. Как сказали бы сегодня, по приколу. Девчонки резвились, шутили, придумывали самые невероятные предсказания, а потом с таким же возбуждением принялись обсуждать услышанное от провидицы. Причём начали это делать, не успев покинуть её дом.

- А ты у меня ничего не хочешь спросить? - уже в прихожей догнал подруг низкий голос.

Вида обернулась первой:

- Я?

- Ты-ты, - кивнула ей пожилая полноватая тётенька, больше похожая на домохозяйку, чем на мистическую особу, способную заглядывать в будущее.

Подружки переглянулись, хихикнули, а Вида брякнула первое, что пришло ей в голову:

- Скажите, а кто из моих кавалеров любит меня больше всех?

- Тот, на кого ты совсем не обращаешь внимания. Его Сергей зовут, - чуть помедлив, проговорила «домохозяйка».

- Какой Сергей?

- Он почти всё время где-то рядом с тобой – посмотри внимательно и поймёшь, какой.

Вида на секунду задумалась. В голове вдруг одна за другой стали мелькать картинки с разными недавними событиями, самые яркие персонажи которых почему-то уступили место однокласснику Поньшеву – неприметной тени, следовавшей за ней по пятам.

- Больше ничего не хочешь спросить? – гадалка начала разворачиваться.

Вида, конечно, захотела уточнить, насколько правильной была эта догадка, она даже открыла было рот, но в тот же миг её обуял какой-то совершенно незнакомый страх, пронзивший всё нутро резким леденящим холодом. Так ничего и не сказав, она бегом рванула из этой странной квартиры.

Наутро, успокоившись и почти забыв о визите к гадалке, Вида пришла в университет и сразу же в вестибюле заметила его, Сергея. Неожиданно для себя она задержала на нём взгляд, и в этих нескольких секундах несчастный влюбленный прочитал какой-то знак, дающий ему пусть не надежду, но хотя бы право на неё. Уже на перемене он, собравшись с духом, рискнул подойти к Виде с каким-то незатейливым вопросом, чем опять возбудил в ней мимолётный интерес.

Даже если жизнь бьёт через край и нет ни в чём недостатка, всё равно так и хочется человеку иной раз попробовать чего-то другого – а вдруг оно окажется вкуснее, красивее и лучше того, что ты имеешь. Чрезмерным любопытством Вида не страдала. Этого добра у неё было, как и у всех - ни больше, ни меньше, - но и его оказалось достаточно, чтоб захотеть вдруг разузнать, какое такое глубокое чувство к ней скрывает этот тихоня. Что может он ей предложить? На что готов ради неё? Почему, наконец, он открыто не проявляет свои чувства? Оставаясь без ответов, вопросы эти будили

воображение Виды, и Сергей уже представлялся ей эдаким загадочным рыцарем, у которого есть какая-то тайна: большая, очень важная и жутко интересная.

Ничего этого, понятно, в возникшем на горизонте Виды герое не наблюдалось. Сергей, хоть и был довольно симпатичным, очень даже неглупым и не испорченным разными дурными влияниями молодым человеком, но какими-то особыми достоинствами похвастать вряд ли мог. Из недостатков же у него имелся целый набор комплексов: не искущённого в женских вопросах, неуверенного в себе, нерешительного и где-то даже трусоватого человека. Не мачо, одним словом.

Но Вида этого уже не замечала. Увлёкшись своей странной игрой, она уже не могла остановиться и всё больше привязывалась к Сергею, ощущая к нему особое, замешенное на жалости, спортивном интересе и небольшой симпатии чувство.

Пока их отношения развивались на уровне взглядов, как будто невзначай брошенных фраз, разных недомолвок и намёков, Сергей подкидывал всё больше и больше дров в разгорающийся в душе у Виды костёр. Но этого было мало – она ждала более активных проявлений чувств, а их всё не было. Томиться долгими ожиданиями Вида не могла, и она задумала подтолкнуть нерешительного кавалера к конкретным действиям. После пары небольших атак объект её внимания неожиданно замер и перестал предпринимать даже те невинные шаги, которые он с лёгкостью совершал раньше.

Такой поворот дел не мог не озадачить и уж тем более не огорчить Виду. «Ах, так!» - возмутилась она и быстренько приблизила к себе парочку особо активных её ухажёров, так опрометчиво позабытых ею после увлечения Сергеем. У нашего героя разыгралась вдруг дикая ревность, которая вывела его из оцепенения, и он, лишённый покоя, отдыха и сна, всё-таки отважился на откровенный разговор с Видой.

Выясняли отношения вечером в пустой лекционной аудитории: подумать о более комфортном месте измученные пережитыми за последние дни волнениями они уже не могли.

Потая и краснея, а временами даже теряя дар речи, Сергей путано изъяснялся в своих чувствах. Сначала клялся в любви до гроба, потом пустился в длинные рассуждения, смысл которых сводился к тому, что не выйдет из них пары: она – вся такая, а он... Прямо, как в кино: «Я не смогу украсить вашу жизнь».

У Виды, привыкшей к шикарным комплиментам и самым горячим признаниям, этот робкий лепет вызвал странную реакцию: в нём она увидела настоящее глубокое

чувство, а дрожь в голосе Сергея объяснила для себя необыкновенным трепетом и благоговейным к ней отношением.

Они ещё долго что-то говорили – то по очереди, то вместе - совершенно не слыша друг друга. Закончилось все объятиями и страстными поцелуями.

Так начался роман, который у всех окружающих вызывал только недоумение – оно и понятно: как ни крути, мезальянс получился. Но влюбленных голубков это мало волновало.

Через полгода они засобирались под венец. Так же спешно и неистово, как и в тот момент, когда стали парой. Торопила события Вида: ей вдруг захотелось свадебного платья и статуса мужней жены. Сергей не был, конечно, против, но немного побаивался всех тех сложностей, которыми, по его мнению, изобиловала семейная жизнь. Вызывал некоторые опасения и сам факт женитьбы на такой яркой девушке, которая пусть даже невольно, но всё равно продолжала кружить головы парням. Подлила тут масла в огонь и мама Сергея, которая после первого же знакомства с его возлюбленной категоричным тоном выразила свое «нет» такому выбору сына. Из всех аргументов, среди которых случались и явно нелицеприятные замечания в адрес Виды, убедительными Сергею показались лишь те, которые он и сам в себе вынашивал. «Не пара», - твердила ему мама. И, вторя ей, он повторял себе как заклинание то самое, из Высоцкого: «Куда мне до неё...»

Грыз иногда червячок сомнения и Виду: как ни кружилась у неё голова, она всё же не могла не замечать очевидных вещей, не могла не видеть плохо скрываемых сомнений Сергея. Ей бы остановиться и подумать без спешки. Но куда деваться от собственного высокомерия, завлекшего её в эту авантюру? Куда деться от себя, вкусившей радость столь сладкой и самой дорогой своей победы? Несовершенны даже самые лучшие из живущих на этой земле. Поговаривают, даже тот монах, что впервые заговорил о семи смертных грехах, сам был съедан гордыней.

Как бы то ни было, ждать они больше не могли. Вопреки всем и всему Вида и Сергей поженились. В студенческом общежитии, где молодожёнам обычно выделяли комнаты, они как имеющие местную прописку поселиться не смогли. Денег на то, чтоб снимать квартиру, конечно, не было, поэтому пришлось идти на поклон к родителям. Как ни странно, приютить их согласились всё-таки родители Сергея: мать Виды оказалась ещё большим противником этого брака, чем её свекровь. Был бы жив отец, который души не чаял в любимой дочурке, ей бы не пришлось идти в дом, где её приняли скрепя сердце. Была бы у этой пары возможность строить свою жизнь самим, без чужих советов и

подсказок, возможно, они и смогли бы выбраться из того замкнутого круга противоречий, грозящих им неизбежным крахом.

Через год они, уже выпускники финансово-экономического факультета, ринулись во взрослую жизнь: только он – на работу, а она – в декрет. Скорое появление ребёнка усугубило и без того непростое существование молодой семьи: Вида, лишённая привычного для неё внимания общественности, отчаянно рвалась за пределы своего неласкового пристанища, а поскольку не могла этого сделать, то требовала от Сергея всё больше внимания к себе. А что же он – муж и молодой отец? Казалось бы, на седьмом небе должен был летать от счастья – теперь у него не только красавица-жена, но и маленькая её копия, которой дали чудное имя - Алёнка. Но недаром, видно, говорят - с таким счастьем... да глупости бы не начать делать. Сам толком не понимая зачем, Сергей совершил поход налево. И не какого-то там разнообразия сексуального ему захотелось, а так, просто, от маёты всё случилось. Из-за этого и скрыть свои похождения толком не сумел, да, может, и не пытался вовсе. Но максималистка Вида категорически не захотела расценивать совершенное по отношению к ней предательство как невинную шалость. Мир рухнул в её глазах, всё потеряло смысл, и если бы не дочка, кто знает, что бы могла натворить эта импульсивная, не поддающаяся никакому внешнему воздействию обиженная донельзя женщина.

Хоть до крайностей, слава Богу, и не дошло, Вида всё же выкинула номер, сильно всех удививший: в один прекрасный день она просто исчезла. Естественно, вместе с ребёнком.

Сергей испугался не на шутку. Никогда в своей жизни он не проявлял такой активности, как в тот период, когда начал искать свою жену и годовалую дочку. Он исступленно метался по всем родственникам и друзьям, по больницам и моргам, совершенно забыв о том, что существует телефон. Но звонки его не устраивали – ему нужно было прийти и самому убедиться в том, что ни Виды, ни даже следов её пребывания там, где он вёл поиски, нет.

Родители Сергея тоже потеряли голову: мало того, что из их дома пропала невестка, так ещё и сын прямо на глазах превращался в безумца. Напрасно мать пыталась его успокоить – он и слушать ничего не хотел, а от каждого её слова заводился еще больше. Чувство вины раздирало его на части, особенно это обострилось после визита к

матери Виды. Поиски своей жены Сергей не стал начинать с её родительского дома: он отлично знал, что у Виды с матерью были напряжённые отношения, которые после свадьбы перешли в самое настоящее отчуждение. Поэтому первым делом он помчался к подругам Виды, затем навестил её родную тетю, а уж после этого направился к своей тёще. Прескверное состояние, в котором он находился в тот момент, усилилось совершенно нестерпимым страхом: мать Виды он почему-то боялся, как огня, и, ощущая невероятную дрожь во всём теле, отчётливо понимал: независимо от того, найдёт он у неё свою пропажу или нет, отгрузят ему в этом доме по полной. Тёща предстала перед ним в стадии полной боевой готовности, словно только и ждала его.

- Ну что, зятек, как жизнь семейная? У тебя не иначе, как случилось что-то?

Всеобъемлющий страх дошёл, видимо, до точки своего кипения, растворения или что там с ним может происходить в его пиковой стадии, но по законам физики не исчез бесследно, а превратился в другое, неведомое Сергею состояние, которое толкнуло его на совершенно неожиданные действия. Рывком он отодвинул тёщу в сторону, забежал в квартиру и, убедившись в отсутствии каких-либо следов пребывания Виды и ребёнка, гневно закричал на свою родственницу:

- Где она? Куда вы её спрятали?

Та оказалась не из пугливых и в ответ разразилась громким смехом:

- Она тебя бросила? Молодец! Давно надо было! Ты посмотри на себя – ну что ты за муж, что ты за мужик вообще? Ты ведь ни на что не способен, ты слабак. Ты жалкий...

Остатки обличительной речи разносились уже по подъезду, а Сергей выскочил на улицу и, будучи не в состоянии душить подкатывающиеся слезы, забился в какую-то расщелину между гаражами и там разрыдался.

После месяца безуспешных поисков он заболел воспалением легких и слёг. Его мысли всё это время были только об одном: о Виде и о том, как он виноват перед ней. С её исчезновением в нём образовалась огромная пустота, давящая, гнетущая. Он ещё не знал тогда, что с этим ощущением проживет всю свою жизнь.

Так в полной неизвестности прошёл почти год. Первую весточку от Виды принёс в дом Сергея почтальон. Он вручил повестку, в которой значилось, что такого-то числа Сергею нужно явиться на судебное заседание: его жена подала на развод.

Повод для встречи с Видой был малоприятный, но всё равно он был несказанно рад тому, что она жива и здорова, а самое главное – что сможет, наконец, её увидеть. Но повидаться со своей пока ещё женой ему не довелось: на заседание явилась одна из подруг Виды, та самая Наташа, по инициативе которой случился злополучный визит к гадалке, принёсший столько несчастий её подруге. Может быть, Наташа и не стала бы так корить себя за ту историю, в которой по большому счету не было её вины, но она подспудно ощущала свою причастность к проблемам в семье Понышевых по другой причине. Практически с первого дня знакомства с Видой в Наташе поселилась основательная, совершенно не подвластная ей зависть к хорошенькой, успешной и уверенной в себе подруге. Самый острый приступ зависти случился на свадьбе, когда Наташа смотрела то на счастливую пару, то на невыразимо печального Максима – одного из поклонников Виды, который был ой как небезразличен её близкой подруге. За пару дней до свадьбы у Наташи состоялся с ним разговор. Влюбленная девушка отчаянно надеялась на то, что отвергнутый Максим признает теперь уже своё поражение и обратит, возможно, внимание на неё. Момент для таких бесед Наташа выбрала самый неподходящий и была просто сражена не только отказом Максима, но и ещё той грубой формой, в виде которой этот отказ прозвучал. При этом, надо заметить, что предмет её вожделений был человеком достаточно воспитанным, и никаких подобных выпадов с его стороны никто никогда не видел.

Досидеть до конца свадебного торжества Наташа тогда так и не смогла – сославшись на плохое самочувствие, она чуть ли не в слезах ушла домой. И только теперь, когда произошли такие события, ей стало жутко стыдно за себя и свои не очень хорошие мысли в отношении Виды. Она чувствовала, что должна помочь ребятам восстановить семью, и если это не удастся, то хотя бы как-нибудь поддержать Виду. Поэтому когда неожиданно от пропавшей подруги пришло письмо, Наташа охотно согласилась сделать все от неё возможное и невозможное. Так в качестве представителя пожелавшей развода стороны она возникла в суде.

- Что ты здесь делаешь? Где Вида? – в недоумении набросился на неё Сергей.

- Её здесь нет, - спокойно ответила Наташа. – Ты не кричи. После заседания я тебе всё расскажу.

Хоть и помнила подруга предупреждения Виды, но всё-таки она осторожно намекнула Сергею, в каком направлении ему следует искать свою жену.

В тот день, когда Вида узнала об измене мужа, она твердо решила уйти и не видаться с Сергеем больше никогда. «Алёнка не должна даже знать, кто её отец», - сформулировала она ещё одну установку. В душе всё кипело и бушевало, она не находила себе места от гнева и возмущения, но в конце концов собралась с мыслями и поняла, что должна исчезнуть: не уйти куда-то к тётке, к подругам и уже тем более не к матери, которая её совсем не ждёт, а именно исчезнуть, уехать. Уехать, но куда? Все её немногочисленные родственники – мама, тетя и бабушка – жили здесь, и у них она вряд ли сможет спрятаться от Сергея. Подруги? Та же ситуация. И потом Вида с трудом представляла себе, как она вместе с маленьким ребёнком окажется в другом доме, полностью меняя уклад жизни всех его обитателей. Вдруг в тот момент невероятно острой тоски и ощущения полной безнадежности Вида осознала, что в таком бедственном положении никому из своих подруг она окажется не нужна и что максимум, на который сможет рассчитывать, это сочувствие и утешение – вещи, как она считала, ей совсем не нужные. Вида поняла, что она совсем одна и решать ей всё придётся самой.

Неожиданно она вспомнила о находящемся почти за двести километров от её дома маленьком городке, на работу в который во время университетского распределения так и не нашли желающих поехать. Вместе с названием городка всплыла в памяти забавная аббревиатура, которой обозначалось то текстильное предприятие, на которое до зарезу нужен был экономист. Очень быстро был найден нужный номер телефона, и через минуту Вида общалась с начальником отдела кадров. Спустя два дня вопрос был решён. Вида взяла какие-то деньги у тётки – единственного человека, которому рискнула сообщить о том, что уезжает, хотя и не сказала куда, – купила билет, тайком собрала вещи и, когда Сергей и его родители были на работе, покинула ненавистный ей дом, где так жестоко растоптали её веру, идеалы и вообще жизнь.

Вида совсем не думала о том, что ждёт её в этом городке, – всё, что двигало ею, было только желание вычеркнуть из своей жизни Сергея. Но по приезде она, привыкшая пусть и не к столице, но всё-таки к приличному областному центру, обнаружила, что место, с которым в порыве отчаяния решила связать свою жизнь, совершенно непригодно для нормального в её понимании существования. И всё же она подавила накатившее на неё ощущение безнадежности и, сцепив зубы, начала обустриваться.

Работа оказалась куда сложнее, чем она предполагала: в условиях наступившей после развала Союза разрухи выживать не очень мощному предприятию было непросто.

С большим трудом пришлось также налаживать быт. Вида жестоко обманулась, когда решила, что общежитие не станет для неё большой проблемой. Хотя у неё и была отдельная комната, но взаимодействовать с проживавшим в общежитии разношерстным людом приходилось часто и к тому же по вопросам, как правило, малоприятным: то место у плиты на кухне делить, то доказывать, что ты совсем недавно убирал те самые помещения общего пользования, куда все ходят регулярно, но вот порядок там наводить упорно не хотят. Кроме этих нюансов ей, домашней девочке, приходилось ещё терпеть этот бесконечный общежитский гам, из-за которого она порой ни сама не могла уснуть, ни успокоить свою перевозбуждённую дочку.

Сказать, что Виде было трудно - вообще ничего не сказать. Выдержать эту совсем непростую жизнь, которую она сама себе устроила, ей помогала только ненависть. Этого чувства, переполнявшего её и странным образом дававшего силы, хватило бы ещё не на одно бедствие, поэтому Вида, проявляя чудеса выдержки и терпения, не замечала, что она тянет воз, который на самом деле ей совсем не по плечу.

Хоть общежитие и считалось семейным, но в нём на поверку оказалось больше каких-то одиночек: несчастных, вечно хандрящих и часто пьющих. Так получилось, что именно в том крыле, где обитала Вида, этот народ сконцентрировался максимально плотно. «А чему удивляться? – решила она. – Я ведь тоже в некотором смысле одиночка, разве только с ребёнком».

По этому поводу у Виды сразу же нашлись советчики: шустрые тетки, которым однажды удалось-таки разговорить странную соседку. Прознав её тайны, товарки наперебой начали давать рекомендации: срочно развестись и оформить алименты, найти обязательно достойного мужика (а то загнёшься одна, деточка) и всё в таком же духе.

Но Виде такие советы были даром не нужны: она точно знала, что ни словом, ни полсловом не будет напоминать о себе так оскорбившему её супругу. Это железно. И по поводу мужиков она тоже слушать ничего не хотела: так сильна была в ней обида на одного из них, что она даже представить себе не могла ничего подобного, хотя желающих внести разнообразие в жизнь по-прежнему хорошенькой молодой женщины было навалом. Но всё это мимо.

- Когда к тебе мужчина приближается, у тебя взгляд такой... «Не подходи – убьёт», - поделилась с Видой своим наблюдением одна из соседок. – Ты бы, может, как-то помягче.

Но помягче нельзя было никак: Вида, как сплошной напряжённый нерв, всё время находилась в состоянии повышенной боеготовности. На мужчин у неё теперь был только один рефлекс – обороняться. Из-за этого рефлекса в её когда-то весёлом и беззаботном взгляде жил теперь только леденящий арктический холод.

- Напрасно ты такую злобу в себе носишь, - говорила Виде одна бабушка, с которой они часто сидели вместе на лавочке возле детской площадки. – Беду на себя большую накличешь.

- Хуже, чем есть, уже не будет, – махнув рукой, равнодушно отвечала Вида. Она и не представляла в тот момент, как опасно разбрасываться такими речами. Но и поделаться с собой уже ничего не могла: ненависть и злость стали её опорой, где-то даже смыслом жизни, и ей казалось, что без этого всего она просто не сможет существовать. Вида бесконечно теребила свою душу воспоминаниями, тысячи раз мысленно переигрывала разные ситуации, даже повторяла вслух слова, которые, как ей теперь казалось, она должна была говорить тогда. И при этом постоянно задавалась вопросом: за что, почему это с ней случилось, чем она заслужила такое наказание. И корила, корила, не переставая, всех – его, себя, родителей...

Такой противоестественный природе человека жизненный настрой не мог не аукнуться – Вида серьёзно заболела. Сначала она даже не обращала внимания на постоянную слабость и головокружение. Но потом, когда начала терять сознание, поняла, что дело уже нешуточное, и отправилась в больницу. Больше месяца её промурыжили местные доктора, потом направили, как они говорили, в область. И только там Виде наконец открыли причину ее недомогания, которая называлась коротким словом «рак».

Дорогу в уже ставший близким ей городок Вида помнила плохо. Она даже плакать не могла – находилась в каком-то ступоре. Но когда в своей комнате села на стул, то разразилась такой истерикой, которой никогда, даже после измены Сергея, с ней не случалось.

- Та полоса была белая, - скорбно кивая в сторону Виды, переговаривались суетившиеся вокруг неё соседки.

- Что ж с ребёнком теперь будет? – запричитала одна из трёх нянек, которые, пока Вида пропадала в больницах, по очереди опекали Аленку.

- Ну не спеши ты девку хоронить, - рявкнула на неё другая. – Ещё посмотрим, кто кого.

А Вида, у которой кончился запас прочности, продолжала, подобно прорвавшей плотине, лить потоки слёз. Пришла в себя она только утром – сразу же после истерики её измученным организмом овладел крепкий сон. В комнате суетилась одна из соседок – тётя Валя, которая собирала Аленку в ясли.

- Ты что ж вчера устроила, дорогуша? – строгим учительским тоном она стала отчитывать Виду. – Ребёнка перепугала. Нас тут всех извела своими криками. Ты это прекращай. Тебе что врачи сказали? Лечится это? Шанс есть? Значит, будем лечить.

- Я не смогу. У меня нет сил, - с трудом проговорила Вида.

- Жить захочешь – появятся.

Вечером она сидела у детской площадки и рассказывала о своих новых бедах той самой бабушке, чьи предостережения пропустила когда-то мимо ушей.

- Тебе когда в больницу ложиться? – спросила бабушка.

- Сказали через три недели приезжать.

- Тебе надо с мужем развестись, - услышала Вида хорошо знакомый ей совет, - если, конечно, ты точно к нему не собираешься возвращаться.

- Возвращаться? Ну, это уж только через мой труп, - отозвалась мрачной шуткой.

- Тогда отпусти его – подай на развод и прости его.

Вида почувствовала, как в ней, словно в котле, в одну секунду закипели старые страсти. Она уже открыла рот, желая сказать, что никогда не простит его, что он сломал ей жизнь и что она может только проклинать его, но тут же осеклась – что-то испугало её в пристальном взгляде старушки.

- Тебе придётся это сделать, если хочешь победить свою болезнь, - тоном, не терпящим никаких возражений, изрекла она. – Придётся. Запомни это. Ты страшно упрямая: из-за этого и ошибки все твои, но тебе придётся смириться с этой мыслью.

Вида почувствовала, как к горлу подступил комок. Ничего не сказав, она быстро схватила Алёнку и заспешила в общежитие. Уже ночью, уложив дочку спать и вволю нарыдавшись, она села за письмо для Наташи. Потом написала ещё и тёте – почувствовала, что ей нужна, очень нужна поддержка хоть кого-то из близких.

После общения с Наташей Сергей пришёл домой, заперся в своей комнате и погрузился в раздумья. То, что он чувствовал сейчас, можно было охарактеризовать только одним словом – стыд. Огромный, всеобъемлющий стыд, который поглотил его

целиком. Вина, прежде не дававшая покоя и изводившая его, казалась теперь небольшим переживанием, которое возникает по пустяковому поводу. Сейчас он ощущал себя преступником, пригвождённым к позорному столбу, в которого прохожие швыряют вместе с камнями свое презрение. Каким ничтожеством надо быть, твердил он себе, чтобы довести любимую женщину до такого состояния. Ему нет прощения. И никогда не будет.

Через день ему позвонила Наташа.

- Ты собираешься ехать к Виде? – её вопрос отозвался в нем адской болью.

- Я не могу.

- У тебя что, дела какие-то важные? С работы не отпускают? – она не поняла ответ.

- Нет. Я просто не могу.

- Заболел?

- Считаю, что так.

Наташа помолчала какое-то время.

- Я еду к ней послезавтра. Если передумаешь, звони... А, ещё могу телефон её тебе сказать. Общежитие, где она живёт. Записывай номер...

Он взял лист бумаги, дрожащей рукой вывел комбинацию цифр. Спешно поблагодарил Наташу и отключился. Немного постоял в раздумье. Походил по комнате, вернулся к телефону, поднял трубку, подержал её немного в руке и опять положил на рычаг. Ещё неделю назад окажись у него в руках этот заветный номер, он оборвал бы все провода, он бы вычислил, где ему нужно искать Виду, и, не раздумывая, помчался бы туда. Но сейчас от былой решимости не осталось и следа, а её место заполнил страх. Он был уверен, что даже если Вида не убьёт его молотком или чем-то тяжёлым, то непременно сделает это словом. А если вдруг она не захочет тратиться на речи, то запросто сможет испепелить одним только взглядом. Она его никогда не простит. Это ясно.

Он несколько раз подходил к телефону, начинал даже крутить диск, но потом вешал трубку. Сергей не знал, что ей сказать, чем утешить. Не знал, может ли он вообще что-то сделать, чтоб хоть как-то помочь ей.

Он пришёл к поезду проводить Наташу и передать деньги для Виды.

- Спроси у неё, могу я ей позвонить или... Захочет ли она хоть разговаривать со мной.

- А почему ты сам не позвонил? Почему не едешь со мной?

- Не могу, - выдавил из себя Сергей. Больше он ничего не мог ей объяснить.

Они помолчали.

- Скажи ещё, пока она будет в больнице, Алёнка может побыть со мной. Забери её тогда, если Вида согласится.

- Я думаю, она не согласится, - отрезала Наташа и пошла к своему вагону.

Он ещё долго стоял на перроне и смотрел вслед ушедшему поезду, совершенно растерянный и подавленный.

Прошёл ещё год.

Вида потихоньку оправлялась после болезни. Она сильно похудела, очень изменилась в лице – немного вытянутое, оно теперь чуть портило ее. Хотя, может быть, так казалось из-за коротких волос, которые только-только успели отрасти. Но об этом ей совсем не хотелось думать: от желания кружить мужчинам головы она уже давно отказалась.

Пока Вида была в больнице, к ней приезжали и тётя, и опомнившаяся наконец мать. Они настойчиво предлагали забрать Алёнку к себе, но Вида была непреклонна.

Пройдя курс лечения, она вернулась в свою общежитскую комнату. Остававшиеся в её отсутствие на хозяйстве родственницы в один голос заговорили о переезде. Они упирали на всё: и на убогость обстановки, и отсутствие нормального будущего – для неё и для дочери. Они говорили и говорили, а Вида даже не слушала их: она твёрдо знала, что домой не вернется.

Через пару дней уехала мать: она ещё работала и уже исчерпала все платные и бесплатные возможности для отпуска. Тётя пожила с Видой ещё месяц. Всё это время она не теряла надежды уговорить племянницу на переезд, но уехала одна. Вида осталась, как и раньше, со своим маленьким уже вовсю лепечущим сокровищем.

О Сергее она больше не думала – просто забыла о нём. Решила всё-таки жить. Но при этом наглухо закрыть себя для каких бы то ни было отношений с мужчинами. Этого у неё не будет никогда.

Чуть окрепнув, начала работать и постепенно вошла в уже привычную для неё жизненную колею.

Дочка росла и радовала своими успехами, и только она могла вызвать у Виды улыбку – конечно, не ту, что была раньше, не такую открытую, яркую, заразительную, а очень сдержанную. И редкую.

С сильным полом у Виды, хоть и предпринимались некоторыми отчаянными мужчинами попытки, упорно не задавалось. А однажды произошёл случай, который убедил и Виду, и окружающих в её полной неспособности к взаимовыгодному и конструктивному общению с противоположным полом. Однажды она, которая уже благополучно перебралась в свою квартиру, оказалась в общежитской компании. Когда-то, в своей прошлой жизни, Вида любила такие мероприятия, а с тех пор, как переехала в этот городок, она всячески сторонилась любого массового веселья. Но тут случилось так, что одна из бывших соседок засобиралась на пятом десятке замуж, и решила это дело шикарно отметить. Вида не смогла отказать этой доброй женщине, которая часто помогала ей.

Компания собралась немаленькая – кто по парам, кто так. Посидели, выпили. Пошли разговоры «за жисть», которые как-то сами собой упёрлись в извечную дилемму: в чьей природе – мужской или женской – больше пакостного начала. Понятно, по какому принципу сформировались сторонники противоположных позиций. Вида от участия в горячей дискуссии отказалась – молча следила за обменом мнениями.

- Не, девки, - выступил вдруг Жорик, шустрый мужичок, у которого и жена была, и любовница официальная, и так ещё по юбке разной на каждый день, - вы на нас бочку не катите. Вы сами во всем виноваты! Это вы нас используете! Мозги нам запудрите вечно, возьмёте, что вам надо, и всё – а нас на помойку. Мы же ничего не решаем!

Вида, которая была убеждена, что пользовались в этой жизни ею и что на помойку выкинули её вместе с чувствами, верой, рухнувшими надеждами и в придачу ещё с маленьким ребенком, пропустить мимо ушей такую реплику была не в силах. Неожиданно для всех она разразилась давно накопленными, но так и не высказанными своему обидчику речами; всё, что было спрятано глубоко в ней – боль, гнев, возмущение – всё вышло теперь наружу и обрушилось ураганным шквалом на голову бедного Жорика.

- Это мы пользуемся? – не своим голосом кричала она. – Да ты посмотри, гад, сколькими женщинами ты пользуешься, скольких обманул, бросил и обидел. И всех их – всех обманываешь. Ты же пакостник, сволочь – и все вы такие. А они ведь любят тебя – и жена, и Варя, с которой ты сюда пришёл. И что ж они поимели от тебя? Чем таким ты их осчастливил? Да ничем! Просто дуры они – боятся без мужика совсем остаться, вот и

терпят тебя. Как ты там говорил - не решаете вы ничего? Конечно, не решаете, потому что только то и можете, что намекать и обещать горы золотые, а больше ничего. Вы не способны отвечать ни за слова свои, ни за поступки. Безответственные, трусливые, жалкие уроды! Вас нельзя любить, нельзя уважать! Вы ни на что не годитесь. Ненавижу! Ненавижу вас всех!

Вида расплакалась и выбежала из комнаты. Спорщики вмиг протрезвели.

- Чего это она? - перепугано стал оглядываться на всех Жорик.

- Да... Крепко всё-таки бабу тыркнуло, - резюмировал кто-то.

- Ничего не тыркнуло, - взяла слово Анжела, такая вся из себя лисичка: и снаружи, и внутри. – Дура она просто. Набитая дура. Тоже мне устроила трагедию: муж ей изменил. А кому муж не изменял? Он же не бросил её, не побил в конце концов. А даже если бы оказался сволочью редкой, так что из-за него так мучиться надо? Крест из-за этого на себе ставить? Да я бы на её месте так закрутила, чтоб слухи до мужа её дошли, чтоб он там локти себе все изгрыз от ревности. Нет. Единственное, в чём она права, так это в том, что таких жертв вы, мужики, точно не достойны. Нельзя вас всерьёз воспринимать.

Народ еще повысказывался по поводу, но в итоге все сошлись на том, что сердиться на Вида не стоит: мол, и так настрадалась девка. И посочувствовали, причём не только по поводу прошлого, но и по поводу будущего, которого, по общему мнению, у Виды с её прибабахами точно нет.

Но однажды, как показалось Виде, судьба подарила ей шанс. К ним на предприятие частенько приезжал один смежник, представительный мужчина лет сорока. С первой встречи он оказывал Виде особые знаки внимания, потом в один из приездов пригласил её в ресторан. А дальше всё завертелось по обычному сценарию. Нагрянула любовь. От счастья Вида едва касалась земли, и единственное, что не давало ей взмыть в небеса, так это женатое положение смежника. Его брак, конечно, был большой ошибкой, и в скором времени он обещал её исправить. Прошёл год, потом второй, но ошибка упорно не исправлялась: то ли смежник оказался плохим учеником, то ли он и вовсе не собирался этого делать. В общем, на шестом году роман этот приказал долго жить по инициативе Виды и полному несопротивлению этой инициативе со стороны смежника.

Свое двадцатилетие Алёна приехала отпраздновать у матери. Городок, в котором она выросла, умудрился, вопреки всем масштабным государственным передрягам,

выбиться в люди – какие-то местные условия оказались удачными для бизнеса, в город пришли деньги, и жить здесь стало намного лучше, чем в некоторых мегаполисах.

Мать её – теперь уже не просто Вида, а Вида Александровна – владелица двух магазинов – жила не в той скромной однокомнатной квартире, которую ей когда-то дали, а в очень приличной «двушке». Из этой «двушки» три года назад Алёна уехала покорять столицу, и это ей удалось с первой попытки; теперь она успешно осваивала в одном из вузов дизайнерскую профессию, где-то подрабатывала и даже успела по-настоящему влюбиться. Эту новость, пока они хлопотали с матерью на кухне, Алёна решила обсудить первой.

- Какой совет я могу тебе дать? – Вида даже немного удивилась. Ей ли, так ничего и достигшей на этом поприще, давать советы. Что она вообще понимает в этой самой любви? – Ты же знаешь, доченька, что я тебе в делах и меньшей важности своё мнение никогда не навязывала, а тут... Это только тебе решать – что со всем этим делать. Любишь его – люби, никто не запрещает. Захотите пожениться – пожалуйста. Единственное, от чего хочу тебя предостеречь, - не принимай серьёзных решений, не обдумав их спокойно.

- Вот я и обдумываю, мам. Спокойно. С тобой. Ты понимаешь, Андрей через четыре месяца диплом получает и в Америку собирается ехать – ему там работу предлагают.

Вида чуть не уронила тарелку. Растерянная, она присела на краешек стула.

- И ты собираешься с ним ехать... – выдохнула наконец.

- Ещё пока не собираюсь, но думаю об этом, - заметив беспокойство Виды, Алёна как-то неловко улыбнулась.

Вида к этому никак не была готова. Она спокойно отпустила дочь в столицу - где ж ей было учиться. Она была готова даже к тому, что Алёнка не вернется сюда, к ней, но такой поворот она никак не могла предугадать.

В этот момент зазвонил телефон. Алёна пошла отвечать.

- Это бабушка, - раздался из прихожей ее голос. – Поздравлять меня сейчас будет...

- Как там она? – спросила Вида, когда дочь вернулась в кухню.

- Бабуля говорит, что вы вчера общались. Мам, ты же все знаешь. И что болеть она стала больше, и что тебя ждет очень. Ей теперь там теперь совсем одиноко. Неужели ты её не простила до сих пор?

- Ну что ты, глупости какие. Конечно, простила. Давно. Я только поехать туда не могу.

- Почему?

- Не знаю.

- Это не ответ. Должна быть причина.

Когда-то Вида, может, и знала эту причину, но теперь чётко сформулировать её не могла. Она очень долго жила с твёрдым убеждением, что этого не произойдет никогда. Никогда. Нет, и всё тут. Она привыкла к этому «никогда», за которым, как за панцирем, прятала свои беспокойства, сомнения и страхи. Но сейчас она вдруг заметила, что её непроницаемый надежный панцирь дал большую трещину.

Через полгода Вида распростилась с городком, ставшим за эти двадцать лет ей родным, и перебралась к матери. Она ещё долго бунтовала против этого шага, но в конце концов поняла, что выбора у неё нет.

Алёна уже была за океаном, а им двоим – матери и дочери – после всего пережитого было о чем поговорить.

На Виду посыпался поток материнских откровений, и она с трудом могла переварить ту неожиданную для неё информацию, которая заставляла посмотреть на многие вещи с совсем другой стороны. Оказалось, что отец Виды, который был для неё всю жизнь светом в окошке, который баловал её и старался воспитывать, как принцессу, совсем не сделал счастливой её мать.

- Не мог и даже не пытался, - плача, рассказывала она. – Он был очень внимательным и заботливым по отношению к тебе, к родственникам, да и вообще к посторонним людям. Любой нытик мог вызвать в нём такую волну сострадания, что папа, не раздумывая, готов был бежать на край света, чтоб чем-то помочь ему. Он был добр ко всем, но только не ко мне. Я не знаю, почему он так ко мне относился. Может, разлюбил быстро. А может, и не любил никогда. Мы тоже, как и вы с Сергеем, поженились в какой-то спешке, толком не обсудив, не обговорив ничего. Мне часто казалось, если бы не ты, он бы точно ушёл от меня. Я даже сердилась на тебя из-за этого – с ужасом понимала, что нельзя так поступать по отношению к родной дочери, но ничего не могла поделать. Может, это ревность такая была. Не знаю. Прости меня. Но в любом случае я хотела тебя защитить от Сергея – я была уверена на сто процентов, что он тебе не пара, что он не тот человек, с которым ты можешь быть счастлива... Почему ты не пришла тогда ко мне? Почему уехала, ничего мне не сказав?

- Я боялась. Я почему-то думала, что ты меня прогонишь, - отвечала Вида.

- Ну как я могла тебя прогнать, доченька. Что ты? Да, я не хотела, чтоб вы жили у меня. Я думала, что там, у его родителей, вам будет плохо, и вы побыстрее разведётесь. И это случилось, но как... Прости меня, прости... Я не должна была вмешиваться в твою жизнь, не должна была ничего говорить и уж тем более что-то делать. Даже если думала, что всё это будет тебе во благо. Может быть, всё было бы иначе и вы бы жили вместе. Это я всё сломала, - причитала измученная пожилая женщина.

- Успокойся, мам. Никто ни в чём не виноват. Так случилось, что теперь уже об этом говорить.

- А ты знаешь - Сергей болен серьезно. Рак лёгких у него, в последней стадии.

Вида помолчала немного и с грустью проговорила:

- Он себя тоже съел. Совсем.

На похороны Сергея пришло много людей.

Говорили только хорошее и совсем не потому, что о покойниках плохо нельзя – даже если бы захотели что-то вспомнить и сказать такое, просто не смогли бы. Он, нёсший всю жизнь крест своей великой, как сам считал, вины, был невероятно трепетным и чутким по отношению к каждому, кто попадался на его пути – боялся, пусть даже случайно, навредить тому хрупкому миру, который скрывается в человеческом теле.

Так больше и не женился, хотя завязывать какие-то отношения пытался не раз. В какой-то момент понял, что другой семьи, кроме той, которую он потерял, у него уже не будет. Но затворником не стал – наоборот, жаждал общения, деятельности, и только в этом круговороте людей и событий хоть немного забывал о своей боли. Преуспел и в профессии, правда, в другой: сумел в наступившем компьютерном веке удачно применить свои технические способности.

После похорон компания из бывших одноклассников намерилась помянуть Сергея. Нашли тихое кафе. Выпили. Погрустили. И как это часто бывает, когда человек рано уходит из жизни, порассуждали о том, что не случилось в его жизни тех самых событий, всё, возможно, было бы по-другому. И наверняка был бы ещё жив.

- А вы знаете, что Вида вернулась?

- Не может быть!

- Правда. Случайно встретил её на прошлой неделе. Не узнал.

- Так сильно изменилась?

- Не то слово. Страшная стала.
- Да ну? Вида – и страшная, не могу поверить.
- Не вру, ребята. Я даже не узнал её – она сама меня окликнула.
- И что прямо так сильно постарела?
- Она не постарела даже, а больше подурнела как-то. Прямо Баба Яга, ей-богу.
- Надо же, такая красавица была...
- Хотелось бы на неё глянуть. И вообще повидаться было бы неплохо, поговорить.

Ей тоже, небось, пришлось нелегко в жизни.

- И на похороны не пришла – не простила, значит.
- Может, не знала?
- Может...
- А если и знала, то это её дело – приходиться или нет. Не нам судить.
- Наверное...

Потом, позабыв о Виде, перешли на другие темы и вскоре стали расходиться, обсуждая какие-то накопившиеся будничные вопросы. И только у одного из этой компании после поминок стоял на повестке единственный и самый главный вопрос. Он твёрдо знал, что ему обязательно нужно встретиться с Видой. Это был Максим.

Уже несколько дней Вида не подходила к телефону. На улицу она тоже не могла выйти - панически боялась опять натолкнуться на кого-то из прошлой жизни. Из-за той встречи с бывшим одноклассником она совсем потеряла покой. Как он на неё смотрел! Как на пугало, на чучело. На его лице, с которым он, похоже, не справился от удивления, отпечатался самый настоящий испуг. Потом, когда они, перекинувшись парой слов, стали прощаться, в глазах старого приятеля Вида прочитала ещё и жалость. Это была последняя капля. Она готова была терпеть по отношению к себе самые разные чувства, но только не жалость. Все эти трудные годы она пахала как каторжница, добивалась всего, что было нужно ей и дочери для нормальной жизни, она делала всё возможное и невозможное, чтоб только не слышать за спиной этих унижительных слов сочувствия, на которые так щедры были её общежитские соседи. И тут на тебе – её опять пожалели.

Вида долго плакала. Потом, успокоившись, подходила к зеркалу и внимательно всматривалась в свое лицо. Да, оно изменилось, но не настолько, чтоб считать его безобразным. Те, кто встречал Вида впервые или кто часто сталкивался с ней на

протяжении последних лет, видели перед собой нормальное, как говорят, с остатками былой красоты лицо. Но людям, у которых в памяти сохранился образ только прежней Виды, случившаяся с ней метаморфоза никак не могла показаться обычным следом, который оставляют на человеческом лице время и непростой жизненный опыт. Это была разительная перемена. В глазах уже не было того блеска, который так смущал когда-то молодых людей, - вместо него там жила тоска и отчаяние. На осунувшемся лице Виды особенно стали выделяться скулы, которые, как какой-то неловкий мазок, нарушали былую необыкновенную гармонию. Уголки губ немного опустились – возможно, из-за впалых щек, а, может, оттого, что почти не расплывались за эти годы в той очаровательной улыбке, которая, подобно солнечному лучу, могла согревать и радовать каждого. Как будто природа не простила Виде её неразумного обращения со столь щедрым даром и за такой проступок наложила на её лицо столь непривлекательную печать.

Пристально всматриваясь в свое отображение, Вида только теперь заметила, что каждый штрих в её лице – это неизменный результат того жесткого, невыносимого способа жизни, который когда-то, сцепив от боли и ненависти зубы, она выбрала для себя как единственно правильный.

«Как же я виновата перед тобой», - повторила она несколько раз своему отражению.

Максиму без труда удалось разыскать Виду, гораздо сложнее было уговорить её встретиться с ним. Она долго не соглашалась, но потом всё же поддалась его напору и в назначенное время была в том месте, где её ждал отвергнутый когда-то поклонник.

Жарких объятий и даже крепких дружеских поцелуев не было: после стольких лет они не чувствовали себя вправе проявлять чрезмерное оживление при встрече. Поначалу даже разговор как-то не клеился. Вида была в напряжении, о себе категорически отказывалась говорить, поэтому инициативу взял в свои руки Максим. Он честно поведал о трёх своих неудачных браках, о работе и других вещах, из которых по сложившимся стереотипам складывается представление о том, как живёт и чем дышит человек.

Постепенно общение немного оживилось. Они начали вспоминать студенческие годы, деликатно обходя все те события, о которых по понятным причинам оба не хотели говорить. Вида, чуть оттаяв, немного оживилась и начала даже смеяться. Максим

внимательно наблюдал за ней, тщательно отыскивая в сидящей перед ним женщине следы того милого существа, в которое он так сильно был когда-то влюблен. Он не был напуган переменами в её облике - был лишь разочарован тем, что не находил в теперешней Виде абсолютно ничего от той, прежней. Это был другой человек, которого он совсем не знал. И вряд ли хотел узнавать. Или всё-таки хотел? Он не был уверен, и решил пока взять тайм-аут – чтобы подумать. Все эти раздумья не прошли незамеченными для Виды, которая, направляясь на это свидание, не могла, конечно, не думать о возможных лирических моментах. Она даже спрашивала себя, как будет реагировать на проявления былых чувств со стороны Максима, если вдруг таковые случатся. Сомнения на этот счёт у неё тоже были, и немалые, но Максим был так настойчив в своём желании увидеться, что Вида постепенно уверилась именно в таком развитии событий. Наверное, поэтому и рискнула пойти на встречу. О чём теперь сильно пожалела.

Вернувшись домой, она заперлась в ванной и опять стала рассматривать своё отражение. Потом долго плакала. А когда успокоилась, начала понимать, что раз уж она позволила себе думать о личном счастье, то ей не следует лепить его из осколков старых чувств, своей многократно пережитой боли и разных сомнений. Всё, с чем она жила до сегодняшнего дня и что отпечаталось в её душе и на лице таким пугающим людей дефектом, - всё это никогда не пустит её в новую жизнь. Если она, ещё молодая, в общем, женщина, добровольно довела себя до такого состояния, то, наверное, если захочет, сможет вернуть в свое сердце то ощущение радости, которое когда-то у неё было. Если захочет любить и быть любимой, то снова научится улыбаться и вернёт своему облику ту живость, яркость и пусть хоть небольшое очарование. И неважно, что скоро сорок пять – она, как в пословице, станет ягодкой и ни за что не будет больше Ягой. У неё хватит на это сил. Обязательно хватит. Назло всем. Нет, не так: для себя, для других, для жизни.

Инна Клименко